

Театральный роман начался с портфеля человеческих костей

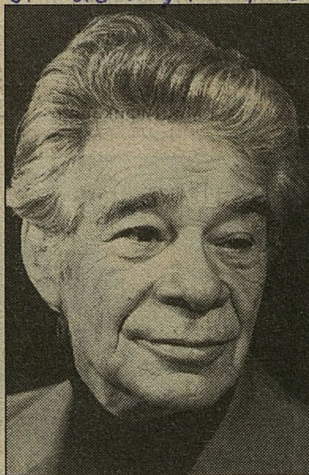
Борису Левинсону, одному из последних учеников Станиславского, исполнилось 80 лет
Веч. Москва. — 1999. — 26 апр. — 4, 6

Галина ОБЛЕЗОВА

Глаза отказываются верить: при таком молодом, несмотря на морщины, лице, прямой спине, не тронутой годами памяти и стремительной походке столь почтенного возраста быть не может. Перед будущим учителем — Станиславским — он появился с портфелем человеческих костей. Трясущийся от волнения молодой человек пришел к мэтру услышать приговор — быть или не быть ему актером — прямо с лекций в медицинском институте.

Впрочем, и Михаил Афанасьевич Булгаков начинал врачом. С Булгаковым у Левинсона тоже связь. Он дружил с Леночкой — Еленой Сергеевной, самой очаровательной из всех встреченных им женщин. Их познакомил Яншин, выпускавший в Драматическом театре имени Станиславского, где работал Левинсон, «Дни Турбиных». Однажды (это было накануне «полуподпольного» вечера в честь 70-летия Михаила Афанасьевича) она позвонила ему: «Боречка, почитайте на вечере что-нибудь...». «Но у меня ничего из Булгакова нет...». «Я вам дам».

«Я пришел к ней, — вспоминает Борис Леопольдович, — она извлекла множество переплетенных томов, где был весь Булгаков (от записных книжек до романов), перепечатанный ее рукой. Тогда же ничего еще не было издано... «Вот «Театральный роман», прочтите дома и выберите себе любой отрывок». Я прочитал — и ужаснулся! Позвонил: «Леночка, я это читать не стану! На вечере будут мхатовцы. Они набьют мне морду! Это же капуста, злая шутка!». «Нет-нет, вы ошибаетесь, он сам читал это артистам, они очень смеялись...».

«Все равно не буду. Как я могу смеяться над тем, что обожаю!». Короче, в тот вечер я читал «Записки на манжетах».

Сегодня Левинсон играет в Театре у Никитских ворот моноспектакль «Смех и слезы театрального романа». Ему легко играть: все «зашифрованные» герои романа — его хорошие знакомые, все ситуации — словно только что пережитые. Тем не менее, иронизируя вместе с Булгаковым, Борис Леопольдович остается стойким приверженцем системы своего учителя, с грустью констатируя, что Станиславского нынче повсюду передергивают и перевирают, выхолащивая суть театра переживаний.

«Между Станиславским и Розовским» (шутка Левинсона) был еще Охлопков, Театр Маяковского, роли, большие и не очень, друзья, чьи имена уже легенды.

...А в конце «Театрального романа» молодые красивые женщины дарят ему букеты.